

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия. 3

ВЫСШИЕ БОГИ. 13

Перун 16

Волос (Велес) 21

Мокошь 24

Хорс Дажьбог, Симаргл, Стрибог и Сварог. 27

ПОЧИТАНИЕ СИЛ ПРИРОДЫ. 35

Ярило 37

Купала (Купало) 41

Культ Матери-Земли 48

Культ воды. 52

Культ деревьев 57

Культ камней. 61

ЗАМЫСЛЫ О СОТВОРЕНИИ ЗЕМЛИ,

ПРИРОДЫ И ЧЕЛОВЕКА 65

Земля, вода, горы и камни 68

Небо, солнце, месяц и звезды. 76

Мужчина и женщина 83

Народы. 87

Жилище, орудия труда, ремесла. 90

Животные, птицы, рыбы 94

Насекомые 116

Растения 122

Нечистая сила	134
Мифические люди и народы	139

ЗАГРОБНЫЙ МИР 145

Душа	147
Путь души на «тот» свет	153
Как устроен загробный мир	166
Отношения между «тем» и этим светом	174
Поминальные дни	181
Посещение «того» света	190

«ЗЛОЖНЫЕ» ПОКОЙНИКИ

И «НЕПРАВЯЩАЯ» СМЕРТЬ 193

Упырь	204
Русалки	211
Дети некрещеные	228
Кикимора	231
Шуликуны	237
Обмененные и проклятые дети	240

ДУХИ РОДА И ПОКРОВИТЕЛИ

ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ПОСТРОЕК 249

Покровители дома	250
Домовой	250
Домовая змея	268
Ласка	271
Покровители хозяйственных построек	275
Банник и обдериха	275
Овинник, рижник, гуменник	281

ДУХИ ПРИРОДНЫХ ПРОСТРАНСТВ 287

Леший	289
Водяной	308
Болотник	317

Полевой	319
Полудница	322

ЛЮДИ С ДЕЯНИТЕЛЬНЫМИ СВОЙСТВАМИ..... 325

Ведьма	327
Колдун	348
Знахарь	362
Волколак	370
Кликуши	377

ДУХИ СУДЬБЫ, БОЛЕЗНИ, СМЕРТИ .....

Доля	386
Болезни	393
Смерть	398

ЧЕРТ .....

НЕЧИСТАЯ СИЛА И КЛЯДЫ .....

Примечания	424
Словарь-указатель мифологических имен и названий	469
Об авторе	476

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Эта книга рассказывает о мифологии Древней Руси. Вроде бы все ясно. Но прежде чем начать разговор о самих мифах, давайте уточним, что такое мифология вообще и древнерусская мифология в частности.

С точки зрения современного городского человека миф — это что-то вроде сказки или же собрание старинных народных суеверий, не имеющих никакого отношения к реальности и тем более к современности. Но все совсем не так: мифология и к реальности, и к современности имеет самое непосредственное отношение.

Говоря академическим языком, миф — это ненаучный способ описания мира и одновременно система накопленных народом знаний о мире. Иными словами, мифология — это народный аналог науки. Как устроен мир, который окружает человека? Когда и из чего была сотворена Земля? Почему на ней существуют горы и реки, болота и леса? Почему светит солнце, горят звезды, идет дождь, гремит гром? Что такое человек и откуда он произошел? Почему люди умирают и что с ними происходит после смерти? Многие из этих вопросов нельзя считать до конца решенными. Мы привыкли, что сейчас ими занимаются различные науки: астрономия и геология, физика и медицина, биология, археология, палеонтология и многие другие. Для нас естественно, что накопленные разными науками знания сохранялись, распространялись и передавались следующим поколениям сначала в виде рукописей, позже — с помощью печатных изданий, а наш век изобрел для передачи информации самые разнообразные технические способы, начиная с радио и заканчивая глобальными компьютерными сетями. Создание человеком самых первых, наивных объяснений устройства окружающего мира относится к тому далекому времени, когда еще не су-

ществовало письменности и единственной формой сохранения и передачи знания было устное слово.

Мифология отвечает на те же вопросы, что и наука, но со своих позиций. Мифологическое знание так же логично, как и научное, просто логика эта иная. Она предполагает существование наряду с нашим, человеческим миром иного мира — потустороннего. Для человека, обладающего мифологическим мышлением, миф — сугубо практическое знание, которым он руководствуется в реальной жизни, как мы в повседневности руководствуемся знанием правил дорожного движения или личной гигиены. Нарушая предписания дорожного движения, мы рискуем столкнуться с автомобилем. Нарушая предписания, диктуемые логикой мифа, мы рискуем столкнуться с существами иного мира.

Например, заблудившись в лесу, человек, живущий по законам мифа, знает, что это леший сбил его с дороги, а удалось это лешему потому, что человек вошел в лес, не благословясь. Чтобы выбраться из-под власти существа иного мира и найти дорогу домой, нужно снять с себя всю одежду, вывернуть ее наизнанку и снова надеть — в ином мире все перевернуто. Как видно из этого примера, миф, в отличие от сказки (нереальность которой отчетливо осознается и рассказчиком, и слушателем), не просто описывает мир и объясняет, как он устроен, а включает в себя набор запретов и предписаний, указывающих, как нужно и как нельзя вести себя в этом мире.

Каждый народ имеет свою систему мифов. До нас дошли древнегреческие мифы об олимпийских богах, скандинавские мифы об асах, древнеиндийская мифология, изложенная в «Ведах» и «Махабхарате», а также мифы других народов. Наша книга рассказывает о восточнославянских мифах, первоначальный состав которых сложился к тому времени, когда из разрозненных восточнославянских племен образовалось государство — Древняя Русь. Произошло это в X в. Мы знаем, что современные восточные славяне — это русские, украинцы и белорусы. Но разделение восточных славян на отдельные нации состоялось достаточно поздно: украинский и русский этносы стали формироваться начиная с XII–XIV вв., а белорусский и того позднее. Поэтому точнее будет сказать, что эта книга о мифологии восточных славян.

И здесь нужно упомянуть о двух очень существенных особенностях восточнославянской мифологии, коренным обра-

зом отличающих ее от других европейских мифологий, прежде всего от античной. Мифологией обычно называют языческие, нехристианские верования народа. Когда христианство на заре I тысячелетия стало официальной религией сначала в Римской империи, а потом и во всей Европе, греческая и римская мифологии уже прошли долгий путь развития и превратились в хорошо сложившиеся и устоявшиеся системы сюжетов с развитым пантеоном высших и низших богов¹. У греков и римлян письменность возникла задолго до принятия христианства, все мифы были записаны, а греческие и римские писатели заимствовали сюжеты из национальной мифологии.

К тому времени, когда в 988 г. Древняя Русь приняла христианство, исторический путь, проделанный славянами, был еще очень коротким (ведь только в III–VI вв. восточные славяне стали формироваться как самостоятельное этническое образование), их языческие представления не успели принять вид единой системы, а пантеон высших богов только начал складываться. С принятием христианства язычество было объявлено «вне закона», и система божеств высшего пантеона так и осталась незавершенной. В этом ее первое существенное отличие.

Второе отличие славянской мифологии заключается в том, что она существовала исключительно в форме устных преданий, потому что до принятия христианства у славян не было письменности. Важность этого обстоятельства для судьбы народных верований заметил еще М.В. Ломоносов, сделавший одну из первых в России попыток описать русскую мифологию как целостную систему: «Мы бы имели много басней как греки, если бы науки в идолопоклонстве у славян были». Когда же при киевском князе Владимире Святом вместе с христианством на Руси стала распространяться письменность на церковнославянском языке, то, естественно, она использовалась христианами книжниками не для записи враждебных им языческих верований, а для страстного и непримиримого их обличения². Вот почему у нас нет ни одной древнерусской книги, в которой были бы описаны мифы и предания той поры с точки зрения тех, кто в них верил. Разрозненные сведения о древнерусской мифологии можно найти в летописях и христианских поучениях, направленных против языческих суеверий. Но по ним невозможно составить сколько-нибудь цельного представления о системе языческих верований восточных славян. Некоторые подробности можно почерпнуть из книг ан-

тичных и византийских писателей³. Однако западные историки смутно представляли себе культуру народов, обитавших за пределами Римской и Византийской империй; они писали о славянах с позиции плохо осведомленного стороннего наблюдателя, и потому их рассказы не могут служить основой наших представлений о славянской мифологии.

Но если древнерусская мифология не успела полностью сложиться к тому моменту, когда ее развитие было прервано принятием христианства, если древнерусские языческие мифы и поверья не были записаны и судить о них мы можем только по скудным сведениям, содержащимся в летописях и поучениях, то как в начале XXI в. нам узнать, во что верили наши предки-язычники?

Дело в том, что после принятия христианства вера в высших богов сравнительно быстро выветрилась из народной памяти, уступив место христианским представлениям о едином Боге. Однако низшие мифологические существа, которыми народное воображение населило земные пространства, не были преданы забвению. Вера в домашних духов, русалок, выходящих из рек на поля в пору цветения злаков, ходячих покойников, по ночам поднимающихся из своих могил, ведьм, отбирающих молоко у коров и наводящих порчу на людей, продолжала существовать в сознании народа. Если до принятия христианства языческие взгляды на мир были одинаково характерны как для простого крестьянина, так и для великого князя, то после этого события в общественных взглядах произошли изменения. Городская знать довольно быстро усвоила христианские обряды — она крестилась сама и крестила своих детей, венчалась в церкви, хоронила покойников по православному чину. А большинство простых людей, формально приняв крещение, по существу оставались язычниками, лишь поверхностно усвоившими основы православного вероучения. Такая ситуация сохранялась на Руси в течение нескольких веков, и только к XVI в., как считают ученые, православие стало преобладать в сознании народа, не уничтожив, но лишь сильно потеснив язычество. О том, что и спустя несколько веков после крещения Руси древние языческие верования и обряды не были забыты, красноречиво свидетельствует письмо Ивану Грозному от новгородского архиепископа Макария в 1534 г.: «Во многих русских местах... скверные мольбища идольские сохранились и до

царства великого князя Василия Ивановича... Суть же скверные мольбища их: лес и камни и реки и болота, источники и горы и холмы, солнце и месяц и звезды и озера... всей твари поклоняются яко богу и чтут и жертву приносят кровную бесам — волов и овец и всякий скот и птицу...»⁴

Подобная ситуация, при которой древние языческие суеверия и элементы христианского вероучения уживаются вместе, до недавнего времени в науке называлась двоеверием (в фольклористике начала XXI в. этот термин считается устаревшим). Двоеверие — условный термин. Он вовсе не означает, что у восточнославянского крестьянина было две веры и что по понедельникам он верил в Перуна и домового, а по вторникам — в Иисуса Христа и св. Николая Чудотворца. Человек, живущий в двоеверии, убежден, что св. Николай и домовый, кикимора и св. Параскева — существа одного мира. Такой человек не осознает, что св. Николай и домовый принадлежат не просто разным, а взаимоисключающим вероучениям, что поклоняться им одновременно невозможно. Однако такое мировоззрение оказалось очень устойчивым и дожило чуть ли не до наших дней. Например, в начале XX в. крестьяне не находили ничего странного в том, чтобы на Пасху «христоваться» с домовым или лешим. Для этого во время пасхальной заутрени шли в лес с крашеным яйцом и три раза говорили: «Христос воскрес, хозяин полевой, лесовой, домовый, водяной, с хозяйшкой и детками!»

На протяжении тысячи лет соседства с православием дохристианские представления активно развивались — некоторые мифологические образы забывались и исчезали, взамен появлялись новые. Когда на основе единой восточнославянской культуры стали складываться отдельные русская, украинская и белорусская традиции, в каждой из них общее мифологическое наследие начало постепенно видоизменяться на свой лад. Кроме того, наряду с общенациональными мифами стали появляться поверья и предания, известные лишь в отдельных областях. Например, образ русалки есть у всех восточных славян, а о кикиморе рассказывают только на Русском Севере и кое-где в Белоруссии. Так некогда единая система древнерусских мифов продолжала существовать, но уже в значительно измененном и раздробленном виде.

С середины XIX в. этнографы и фольклористы начали регулярно записывать у простых крестьян поверья, сведения об

обрядов и различных формах магии. За полтора века ученым удалось собрать множество записей из разных районов России, Украины и Белоруссии⁵. Сравнив их с доступными нам сегодня сведениями из древних письменных источников, исследователи увидели, что между ними есть немало общего. Вот, например, обряд, описанный датским историографом Саксоном Грамматиком в «Деяниях датчан» (конец XII — начало XIII в.). Славяне, жившие на о. Рюяне (современное название — о. Рюген в Балтийском море), после сбора урожая пекли на меду огромный круглый пирог и устанавливали его в главном храме перед идолом. Жрец вставал позади пирога и оттуда спрашивал собравшийся в храме народ, видно ли его. Народ отвечал: «Видно». Тогда жрец желал всем, чтобы на следующий год его не было видно из-за пирога, т. е. урожай следующего года был более обильный и новый пирог получился такой большой, чтобы полностью скрыть жреца. На Украине подобный обряд существовал еще в начале XX века, только совершался он на Рождество в кругу семьи: на стол клали друг на друга несколько пирогов, и хозяин дома делал вид, что прячется за ними. Дети спрашивали: «А где же наш батько?» Отец из-за пирогов отзывался: «Разве вы меня не видите?» — «Нет, не видим», — отвечали дети. — «Дай Бог, — говорил отец, — чтобы и на следующий год не видели». Восемь веков, разделяющие эти два описания, не повлияли ни на структуру обряда, ни на его смысл, который заключается в том, чтобы магическими приемами обеспечить себе на следующий год хороший урожай.

Подобные примеры показывают, что ядро древнерусской мифологии все еще живо в народных верованиях, хотя и в значительно трансформированном виде. А это позволяет нам представить, какой была в древности мифологическая система восточных славян, и воссоздать те ее фрагменты, о которых ничего не сказано в древнерусских памятниках письменности. Не будет большим преувеличением сказать, что древнерусская мифология — это на 90 % реконструкция, т. е. восстановление, сделанное на основе поздних верований русских, украинских и белорусских крестьян, и лишь на 10 % — оригинальные сведения, почерпнутые у древних книжников. Но наша книга — не реконструкция древнерусской мифологии, вернее — реконструкция лишь той ее части, о которой мы не можем получить сведения другими способами. Это касается в первую очередь высших языческих богов

Древней Руси, прямые представления о которых практически исчезли из народной традиции. Но низшая часть восточнославянской мифологии прекрасно сохранилась в народной памяти до нашего времени. Она представлена в книге в том виде, в каком была описана исследователями в XIX–XX вв., т. е. в ту эпоху, когда древнерусская культура уже давно распалась на русскую, украинскую и белорусскую.

В связи с этим встает важный вопрос: на каком основании мы, описывая современные украинскую, русскую и белорусскую мифологии, позволяем себе писать о них как о едином целом — это же разные национальные культуры! Да, сейчас это так, но они развились из одного корня и сохраняют наиболее важные общие черты, доставшиеся им в наследство от древнерусской эпохи: культ рода, культ предков, представления о правильной и неправильной смерти, о доле человека, о человеческом и потустороннем мирах и многие другие. И гораздо лучше представлять себе древнерусскую мифологию на примере пусть позднего, но зато живого, естественного этапа ее развития, чем изобретать теории, которые вряд ли можно проверить и которые имеют весьма отдаленное отношение к реальному мифологическому сознанию восточнославянских народов.

Конечно, такой подход влияет на точность наших знаний о древних верованиях восточных славян, впрочем, как и любая реконструкция, которая предполагает достаточно большую долю условности, потому что у нас нет машины времени, чтобы перенестись в Древнюю Русь и проверить все наши предположения.

Многие элементы языческой картины мира изменились под влиянием христианской культуры. В первую очередь это касается календаря. Православный календарь с его системой праздников наслои́лся на древний, строившийся с учетом важных для язычника дат и временных отрезков. В результате в народном представлении смысл многих христианских праздников изменился под влиянием тех языческих календарных дат, на которые эти праздники пришлись. И наоборот, языческие элементы праздника были переосмыслены под влиянием христианской культуры. Например, 23 июня / 7 июля — день Рождества Иоанна Крестителя, известный в народе как день

Ивана Купала, совпал с днем летнего солнцестояния. В связи с этим частично изменился и смысл праздника. Языческий обряд возжигания костров, совершаемый для повышения плодородия земли, скота и людей, а также чтобы уберечься от нечистой силы, стал днем, начиная с которого можно было купаться в реках и водоемах. Название праздника Купала, образованного от древнего корня со значением «гореть, пылать, страстно желать», позднее стало связываться с купанием (поскольку крещение в православном обряде совершается погружением в воду). И, наоборот, язычество оказало влияние на многие образы православных святых, о чем мы еще не раз вспомним на страницах книги.

В XVIII в., когда этнографические исследования только зарождались, ученым казалось, что все национальные мифологии должны быть похожи на римскую или древнегреческую. В век классицизма с его ориентацией на античную модель мира полагали, что в мифологии каждого народа должны быть свои персонажи, аналогичные Зевсу, Гере, Посейдону, Аиду и прочим греческим богам, а если их нет, значит, культура этого народа в чем-то ущербна, неполноценна. М.В. Ломоносов даже составил сравнительную таблицу, в которой попытался соотнести известные ему русские мифологические персонажи с римскими:

Юпитер — Перун
Юнона — Коляда
Нептун — Царь морской
Тритон — Чуда морские
Венера — Лада
Купидон — Лель
Церера — Полудница и т. д.

Сегодня эти сравнения кажутся наивными и немного смешными. Но так поступал не он один. Еще раньше (в XV в.) такую попытку предпринял польский историк Ян Длугош — он сравнивал польских мифологических персонажей с античными. При этом ученые не только не учитывали разницу между мифологическими образами разных национальных традиций, но и нередко включали в списки «богов» имена, которые никогда не обозначали никаких сверхъестественных существ. Так, М.В. Ломоносов сравнивает с Венерой Ладу, а с Купидоном Леля, не зная, что Лада и Лель — это не имена божеств, а повто-

ряющиеся припевы обрядовых песен, которые можно услышать и при современном исполнении народных мотивов. Например:

А мы просо сеяли, сеяли,
Ой, дидо-ладо, сеяли, сеяли...

Таких псевдобожеств принято называть персонажами «кабинетной мифологии», потому что появились они не в народном сознании, а в теориях ученых. Наука о славянской мифологии в тот период еще только начинала развиваться, и ошибки, которые допускал М.В. Ломоносов, были почетными ошибками новатора, открывавшего еще неизученную область культуры. Однако они непростительны для исследователей начала XXI в., которые зачастую для большей занимательности или коммерческой выгоды приписывают славянской народной традиции существование таких божеств и мифологических персонажей, которых в ней заведомо не было.

Каждая культура (а мифология — это часть национальной культуры) развивается глубоко индивидуально. Совершенно очевидно, что восточнославянская мифология устроена иначе, чем греческая, римская или скандинавская, но это вовсе не значит, что она хуже или менее интересна. Да, у восточных славян не было богов, подобных олимпийским, наши кикимора или русалка не похожи на прекрасную Афродиту, а лешего или домового нелепо сравнивать с Аполлоном. Но мы должны принимать свою мифологию такой, какая она есть. Это неотъемлемая часть культуры трех народов-родственников — русских, украинцев и белорусов.

Традиционные мифологические верования лучше всего сохранились на Русском Севере, в украинских Карпатах и в Полесье — на территории, охватывающей южные области России и узкой полосой тянущейся до восточных окраин Польши, захватывая юг Белоруссии и север Украины. Многие ученые считают Полесье прародиной славян, поэтому бытующие там предания очень важны для понимания мифологии Древней Руси.

ПЕРУН

Первым божеством наших предков был Перун, бог грома и молнии. Именно он возглавляет список Владимирских богов, и именно его идол (единственный из всех) подробно описан Нестором-летописцем. Об его главенствующей роли свидетельствуют и древние историки. Славяне, пишет, например, Прокопий Кесарийский (VI в. н. э.), «считают, что один из богов — создатель молнии — ... есть единый владыка всего, и ему приносят в жертву быков и всяких жертвенных животных». Слова «единый владыка всего» означают, что культы отдельных, не связанных между собой богов к этому времени уже начали складываться в общеславянскую религиозную систему, и центром ее становился Перун.

Перун обитает на небе и повелевает небесным огнем. Оружие Перуна — камень или каменные стрелы, он мечет их с неба на землю, отчего образуется гроза. В Полесье до сих пор верят, что молния — это каменная стрела, пущенная на землю. Таким камнем считают белемнит или просто любой узкий продолговатый камень⁶.

Из дней недели Перуну был посвящен четверг (у полабских славян⁷ четверг так и назывался «Перунов день»), из животных — конь, а из деревьев — дуб. В частности, в одной древнерусской грамоте говорится о Перуновом дубе. Он воинственный бог и покровитель древнерусской княжеской дружины. Лаврентьевская летопись за 971 г. свидетельствует, что русские воины, заключая договор с Византией, «по русскому закону клялись оружием своим и Перуном богом своим».

Идол Перуна в Киеве стоял на холме еще во времена князя Игоря. В летописи под 945 г. читаем: «На следующий день призвал Игорь послов и пришел на холм, где

стоял Перун, положил оружие свое и щиты, и золото...» А в Новгороде идол Перуна установил дядя князя Владимира Добрыня, причем не просто над рекой, а в специальном святилище, названном Перынь, существование которого подтверждается современными археологическими раскопками. Оно представляло собой круглую площадку, в центре которой возвышался идол, а по краям горели 8 костров⁸.

После принятия христианства культ Перуна, верховного языческого божества, подвергся наиболее яростному и сокрушительному искоренению. Как гласит летопись, в 988 г. воспринявший крещение князь Владимир повелел привязать Перуна к конским хвостам и скинуть с горы по Боричевскому спуску «на Ручаи». Новгородцы, приняв крещение, под руководством епископа Иоакима разорили святилище Перынь, а идол божества разрубили на части, протащили по грязи и скинули в Волхов. Один новгородец, увидев, что идол волной прибило к берегу, отпихнул его шестом, приговаривая: «Ты, Перунице, досыта ел и пил, а нынче пльви прочь!»⁹ Перун, как и другие языческие боги, был причислен к разряду бесов, а на месте его святилищ построили православные храмы. В Киеве на холме, где стоял идол Перуна, князь Владимир поставил церковь святого Василия (поскольку при крещении он получил христианское имя Василий), на месте новгородской Перыни был воздвигнут Перынский скит с церковью Рождества Богородицы.

Но память о Перуне сохранялась вплоть до XVII в. Вот что рассказывает немоецкий путешественник и историк Адам Олеарий, посетивший Россию в 1634 и 1643 г.: «Новгородцы, когда были еще язычниками, имели идола, называвшегося Перуном, т. е. богом огня, ибо русские огонь называют “перун”. И на том месте, где стоял этот их идол, построен монастырь, удержавший имя идола и названный Перунским монастырем. Божество это имело вид человека с кремнем в руке, похожим на громовую стрелу (молнию) или луч. В знак поклонения этому божеству содержали неугасимый ни днем, ни ночью огонь, раскладываемый из дубового леса. И если служитель при этом огне по нерадению допускал огонь потухнуть, то наказывался смертью»¹⁰.

С течением времени функция громовержца в народной культуре была перенесена на Илью-пророка, и он стал, по существу, христианским заместителем Перуна. У восточных славян и в XX в. сохранялось убеждение, что гроза происходит от того, что Илья-пророк ездит по небу на огненной колеснице (поэтому мы слышим гром) и мечет на землю громовые стрелы — молнии. Вот, к примеру, современная запись, сделанная в Архангельской области.

Илья-пророк — какой-то божественный, видимо... Который грозу приносит. Гром и молнию. Когда гроза сильная, говорят: «А, Илья-пророк катится, на тройке едет».

От Перуна Илья-пророк унаследовал и такой любопытный мифологический мотив: в народе верят, что во время грозы Илья (а в некоторых местностях считают, что Господь Бог) своими стрелами убивает нечистую силу, которая, дрожа от страха, стремится спрятаться где попало — под деревом, под лошадиным брюхом и даже у человека под одеждой. Белорусы до сих пор говорят: «Ударит пярун, так это Илья нечистика бьет». В белорусском языке молния так и называется — «пярун». А вот что рассказывают в украинских Карпатах.

Гром бьет в то дерево, под которым черт прячется. Мама моя рассказывала: пасла она корову и там увидела, что черт из-под корней пихты вылезает — как хлопчик невеликий, в красной сорочке, штанишки красные на нем и шапочка красная. Вылез он из-под корней и на вершину влезает, а с вершины — снова к корням. Вдруг ударил сильный гром, молния такая большая, хлопчик запищал, и его убило, а пихту с корнем вырвало. Так мама сказала, что от этого черта лишь крови немного осталось, от того Сатаны. Как молния его убьет, так остается черная кровь.